

Сегодня. - 1993. - 25 мая. - с. 13.

Иван Максимов. Памяти содержимого

Состояние подавленных потребностей не всегда приводит к возгоранию шапки

Павел Крючков

охоже, сумка была слишком приметная. Между платежными ведомостями и деловыми предложениями копошились мириады свидетелей — пухлых и скукожившихся. Губы закатаны, хоботы скручены, уши сложены пополам. Ни свистнуть, ни пропищать.

Сумку увели. Боюсь, навсегда.

А было это третьего дня, когда у режиссера-аниматора Ивана Максимова состоялся второй в его жизни творческий вечер. На следующую ночь, еще не зная о пропаже сумки, ваш слуга отправился к Ивану «за картинкой», дабы проиллюстрировать то, что вы читаете. А картинок-то и нет. «Ну, пока ты едешь, я нарисую что-нибудь или покопаюсь в старье», — сказал Ваня в телефонную трубку. После того, как мы помянули салатным ликером пропавшее содержимое и, не сговариваясь, произнесли сакральное «А может, назад подбросят», — Иван запустил руку куда-то в стену и, пошуршав листами, вытянул милую, но не типичную кошку. «Она мне нравится».

Мне тоже, но боюсь, кошка отвечает только за одну дольку Ванино сознания. Поэтому читайте следующий абзац, — вдруг вам не доводилось следить за всемирно известным Максимовым из зрительного зала. Напомню только о милом слонике, рекламирующем электронную приставку «Денди».

Как все же хорошо, что Туве Янссон проиллюстрировала свою сагу о мумитроллях (уже теплее). Когда Снорк, Снифф и компания закатали Муравьиного льва в Шляпу волшебника, — а чтобы

ИМЕНА ВАНИНЫХ ФИЛЬМОВ: «ФРУ часть 2», «5/4», Provincial School, Bolero, № +2. **ИМЯ ВАНИНОЙ СТУДИИ:** «Классика. Ivan Maximov Production». **ИМЯ ПОСЛЕДНЕГО ПРИЗА:** «Золотой медведь» (Берлин, 1993).

лев не выскочил, прикрыли ее огромным словарем иностранных слов — фолиант съежился, из него полилось. Итак, бумага обернулась водой, а кошмарно-очаровательные слова, обрега плоть, расплозились по Муми-долу. А потом и по всему свету, размножаясь и мутируя. Часть слов

попала в Ванины фильмы. В дипломной работе «5/4» один из персонажей пришел на целлулоид через бесконечную трубу, и, оставив в сторону походный мешочек, свесил ноги на ободок. Нежное, но выразительное «Угу-у-у», посланное в трубу и размножившееся эхом — привет норштейновскому ежику — страннику, влюбленному в Диогена.

Но только привет, не более. Ибо Иван

Максимов — это уже иная генерация и другая эстетика. Изложение его фильмов (как, впрочем, любых других) — занятие бессмысленное. Попробуйте пересказать какой-нибудь анекдот, затем последите за реакцией слушателей, и никогда не возвращайтесь в их круг. Могут побить. Тут я вспомнил глаза великого мультимэтра Федора Хитрука, однажды подробно рассказавшего мне об Иване. Засвидетельствовав, что после фильмов Максимова анимация вышла на архисвежий, доселе не обжитой уровень, — мастер устремил взгляд в пространство. На радужках явственно читалась смесь восторга и ужаса.

Я уже не смогу обойтись без максимовских фильмов — никуда и нигде вроде бы не зовущих*. Я забываю, что он — бывший сотрудник Института космических исследований — крупная знаменитость, получающая золотых медведей и прочие награды с регулярностью утренних газет. Я думаю о сумке, в которой осталась вся Ванина графика, — и мечтаю о Тофсле и Вифсле: вдруг это их рук дело. Ведь ночевать где-то надо.

В крайнем случае, я думаю о влюбленном в анимацию клептомане, который тоже не может обойтись без Ивановых персонажей. Вот просто вижу его — судорожно зажимающего в карман засаленную панаму и руку — поросшую рыжим волосом. Но ведь душа — душа-то у него — чистая. Пусть позвонит в редакцию — мы тоже умеем хранить тайны и выделять сочувствие.

* Поскольку эта тема требует отдельного разговора с оборотами вроде «влияние польской школы» и именами типа «Босх», обещаю к ней вернуться. И Ванин портрет напечатать.